

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«НЕБЕСНЫЙ ДРАКОН»:

Принцесса Намонаки
Мария Сакрытина

Небесное чудовище
Яся Белая

Пленница Тайного сада
Леа Рейн
Продолжение следует...

Золотая орхидея
Роу Мей
Продолжение следует...

Сказание о Ли Лань
Мия Моцзинь
Продолжение следует...

Яся Белая

Небестное чудовище

Freedom

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Иллюстрация на обложке IGYX arts
Художественное оформление *Анастасии Грищенко*

Белая, Яся.

Б43 Небесное чудовище / Яся Белая. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Young Adult. Небесный дракон. Азиатское фэнтези российских авторов).

ISBN 978-5-04-200328-8

В день, когда сверкали молнии, а луна окрасилась в пурпур, когда ветер норовил сорвать кожу с костей, а дождь хлестал наотмашь злее любого палача, во Дворце Третьего Брата Небесного Императора служанка Минчжу разрешилась от бремени и родила чудовище...

Эту историю уже тысячу лет передают из уст в уста. Вот только я намерена рассказать вам другую — мою историю, ведь я и есть Небесное чудовище.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200328-8

© Яся Белая, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Перед тем как менять мир,
трижды оглянись на свой дом.*

Китайская народная мудрость

ПРОЛОГ

В тот год было много дурных знамений. В главном пруду Небесного Царства погибли все лотосы. Священные птицы умирали прямо на лету и падали на головы небожителей. Луна все чаще окрашивалась в пурпур. А ветры норовили не только сорвать одежды, но и само мясо отделить от костей.

Таким был год.

Не стоило ожидать чего-то хорошего. Но Минчжу, чье имя значило «чистый жемчуг», все же верила в лучшее. Она поглаживала свой довольно заметный живот, тихо и нежно улыбалась и заверяла свое дитя, что все будет хорошо. Ей хотелось, чтобы так и получилось, ведь сама Минчжу была всего лишь служанкой. Хоть девушке и довелось попасть во дворец Третьего Брата Небесного Императора, счастья ей это не принесло.

Третий Брат Небесного Императора обратил на нее свой взор и одарил благосклонностью. Поначалу ее баловали, чистая и наивная Минчжу, не знавшая жизни, поверила, что любима, и решила: так будет всегда.

Возможно, так бы и случилось, если бы она родила нормального ребенка. Но в ночь, когда над Небесным Царством разразилась невиданная буря, когда молнии били до самой земли, а гром сотрясал роскошные чертоги имперского города, когда дождь лил сплошной стеной, а ветер хлестал наотмашь, сильнее любого палача, Минчжу разрешилась от бремени и родила чудовище.

Повитуха, едва взглянув на ребенка, закричала и отбросила его в сторону.

— Бес... Бес явился в этот мир! — в ужасе шептала она, отползая от кровати роженицы.

Минчжу, преодолевая боль и слабость, подалась к младенцу, посмотрела на него и тоже завопила, вцепившись в волосы. Теперь она поняла, к чему были все те знамения: именно она привела в мир чудовище. И ее точно сочтут духом поветрия¹ и жестоко накажут. Минчжу не стала дожидаться кары — она схватила нож, которым недавно разрезали пуповину, и вонзила себе прямо в сердце. Смерть ее была быстрой, но в широко распахнутых глазах навеки запечатлелся маленький бес...

На крики женщин и истошный плач ребенка сбежались слуги, и явился сам Третий Брат Небесного Императора.

---

¹ Образное китайское выражение, использующееся для описания человека, приносящего несчастья.

Поняв, в чем дело, он цыкнул на прислужников, пообещав страшные кары тому, кто проболтается. Его люди распластались по полу, уверяя, что не скажут никому и слова, но Третий Брат Небесного Императора не поверил им: первыми разбалтывают тайны именно те, кто обещал их хранить как зеницу ока. Поэтому он выхватил свой меч и убил всех. Полог из тончайшего белого шелка, висевший над постелью роженицы, покраснел и потяжелел от кровавых брызг.

Лишь верный телохранитель Се Лин, многократно доказавший свою преданность, остался подле господина.

— Унеси *это* подальше, — Третий Брат Небесного Императора кивнул на заходящего в плаче ребенка, — и убей. Труп сожги. Сам же пусти слух, что в мой дворец проник Хуапигуй¹ под видом одной из прислужниц. Он пожрал тут всех. Я убил чудовище, но по-

¹ Хуапигуй — дух с разрисованной кожей. Обычно изображается как человекоподобное существо с зеленой шкурой и полной острых зубов пастью. Ночами пожирает людей, а днем маскируется, облачаясь в кожу своих жертв: чаще всего старается выдать себя за прелестную девушку. Считается, что такими духами становятся женщины, кем-то или чем-то жестоко обиженные при жизни. Эта обида столь сильна, что не позволяет духу покинуть мир, а заставляет оставаться в теле, даже когда от него остались одни кости. Поэтому они и ищут «одежду» в виде тел своих жертв, чтобы обрести новую оболочку.

терял свою дорогую Минчжу и новорожденного ребенка.

Се Лин склонился, проговорив:

— Выполню все, как вы велите, господин.

— А теперь рань меня! — потребовал Третий Брат Небесного Императора.

— Я не смею. — Телохранитель опустил голову еще ниже, не решаясь взглянуть на господина.

— Это приказ! — разозлился тот. — Как кто-то поверит, что я сражался с демоном, если я цел и невредим?!

И Се Лин ранил своего господина, уверив, что позже явится за наказанием. А затем завернул малыша в черный плащ, будто сшитый из чистой тьмы, не пропускающий ни света, ни звука, и ушел в ночь.

Он спустился в Диюй, Царство Мертвых, к самому подножию Горы Совершенствования, и уже развернул плащ, чтобы выполнить обещанное, но взгляду его предстала трогательная картина: младенец, накричавшись, мирно спал и посасывал большой палец, а на его губах играла блаженная улыбка.

Много лет назад у Се Лина были жена и дочь. Его малышка тоже перед сном клала в рот палец.

От увиденного сердце сурового телохранителя дрогнуло.

НЕБЕСНОЕ ЧУДОВИЩЕ

— Тебе и так не выжить, — пробормотал он, укладывая малыша на камень. — Холод, голод и дикие звери истерзают тебя раньше. А я не замараюсь детоубийством. Ибо пусть ты и чудовище, но еще несмышленное дитя...

Сказав это, он поспешил прочь.

Так верный Се Лин предал своего господина.

То было еще одно дурное знамение...

ЭПИЗОД 1.

ШАГИ В ТИШИНЕ НАРУШАЮТ МОЙ ПОКОЙ

Дядюшка Жу опять напился. Понимаю это, едва подхожу к нашей хижине. А переступив порог, убеждаюсь окончательно. Сбрасываю в угол вязанку хвороста и разминаю спину. Да уж, сегодня явно перестаралась. Но мне надоело, что хвороста нет под рукой, когда он нужен, поэтому и набрала побольше.

Дядюшка Жу храпит, наполняя наше углое жилище зловонными испарениями. Вокруг такая грязь, что хочется зажмуриться. Теперь мне снова убирать. Просила же!

Откидываю ногой несколько глиняных кувшинчиков. Из одного прямо мне на ногу вытекает зловонная жидкость. Морщусь. И где только берет такую гадость? Впрочем, откуда этому ленивому старику раздобыть денег на хорошее вино?

Размявшись, начинаю ломать хворост. Сейчас разведу огонь в очаге и сварю немно-

го риса. По дороге я собрала душистых трав, а значит, будет и чай. С рисом и чаем жизнь уже веселее!

Подкреплюсь — и за уборку. Не выношу грязь, в отличие от некоторых. У-у-у... Замахиваюсь на спящего дядюшку Жу. Нет, бить, конечно же, не буду — я добрая. Это он, как чуть не в духе, сразу колотушки устраивает. Хорошо, что я научилась быстро бегать и надежно прятаться. А то бы синяки, наверное, не успевали сходить. Хотя царапины и кровоподтеки у меня быстро исчезают. Все благодаря Ей. Она не любит, чтобы моя шкурка — которая и Ее тоже — была драной.

Огонь уже потрескивает в очаге, становится уютнее и теплее. Немного играю с пламенем. С детства огонь льнет ко мне, как котенок: ластится, трется, едва ли не мурчит. И я улыбаюсь ему, как другу. Других друзей у меня все равно нет. Кто же станет дружить с чудовищем? Нет, по мне и не скажешь, что я чудовище — на вид хилвата, мала, от мальчишки-подростка не отличить. К тому же дядюшка Жу коротко обрезает мне волосы своим огромным ножом. И ношу я мужскую одежду — перешитые дядины обноски. Своего чего-то у меня давно нет. Да что там, у меня и имени-то толком нет. Дядюшка зовет меня Никчемная, люди в деревне — Ю. Как дождь. Потому что у меня глаза — будто лужи по вес-

не с невнятной мутной жижей — наполнены такой же серо-коричневой мутью. У других глаза сравнивают со звездами или очами феникса, а мои — с лужами!

Ладно глаза! Волосы у меня тоже необычные: на каждые три черных волоска приходится один огненно-рыжий. И так — по всей голове, из-за чего кажется, будто через угольки прорываются тлеющие искры. Особенно беда на солнце — рыжие волоски так и полыхают. Вот тебе и голова, охваченная пламенем.

Была и еще одна особенность у меня: веснушки. Кожа девушки — ее гордость, а как можно гордиться тем, что тебя словно обрызгали глиной? Даже деревенские мальчишки из-за этого потешаются надо мной. Ни один из них не взял бы меня замуж, если бы я, конечно, собиралась...

Но пугают людей не мои волосы, глаза или веснушки, а то, что во мне. Нечто огромное, древнее, черное, как сама тьма. То, что лучше не будить и не дразнить. То, чему нет объяснения. То, что страшит даже меня саму.

Я много раз уговаривала дядюшку Жу расспрашивать странствующих даосов, нередко забредавших в нашу хижину на ночлег, о том, что со мной и кто я. Все-таки они мудрые люди, ученые, столько книг прочли! Но дядюшка всегда только отмахивался, болтая с ними о чем угодно, кроме того, о чем я просила.

Сам же он еще более никчемный, чем я, — только и умеет пить. Но он — вся моя семья. Кто мои родители, где они, что с ними? Никому неизвестно. Когда я спросила, как появилась на свет, дядюшка Жу ответил: «Тебя принес аист». И если другим детям — а я слышала в деревне, когда ходила менять хворост на рис, — так говорят, чтобы отмахнуться от лишних вопросов, то со мной все буквально. Меня действительно принес огромный аист и сбросил прямо на крышу прежней дядюшкиной хижины.

Дядюшка Жу утверждает, что то была не простая птица, а обернувшийся ею небожитель, и я ему верю. Приятно считать, что ты связана с Небесами — тогда не так пугает то, что ворочается внутри.

Мычу себе под нос мелодию, которую услышала на днях в бамбуковой роще, — тонкую, пронзительную, чарующую. Не знаю, что за музыкальный инструмент издавал те дивные звуки, но они наполняли душу светом и грустью. Хотелось улыбаться сквозь слезы.

У меня не выходит так, как у того, кто играл в роще, таланта совсем нет — в голове слышу, а воспроизвести не могу.

Но пусть хоть так.

Вычистив золой чугунок, ставлю на огонь и наливаю воду из толстой бамбуковой трубочки, что служит мне сосудом. Всегда ношу ее с